

СТАТЬИ / ARTICLES

ДЕТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ XXI ВЕКА: СЕМИОТИКА И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Т.А. Вархотов

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Институт развития, здоровья и адаптации ребенка, Москва, Россия
varkhotov@gmail.com

Е.И. Изотова

Институт развития, здоровья и адаптации ребенка, Москва, Россия
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия
teoretic@mail.ru

И.А. Бурлакова

Институт развития, здоровья и адаптации ребенка, Москва, Россия
Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Россия
iaburlakova@mail.ru

Статья подготовлена в рамках исполнения Государственного задания № 124031200082-5 от 12.03.2024 по теме научно-исследовательской работы «Феноменология современной детской субкультуры (междисциплинарное исследование, включающее социологические, культурологические, психологические и педагогические аспекты)».

Представлен междисциплинарный подход к изучению одного из самых ярких социальных явлений – детской субкультуры. Рассматриваются ее социологические, культурологические, психологические и педагогические аспекты. Приводится обоснование стратификации культуры в различных научных школах, концептуализируются понятия «субкультура» и «контркультура», дается определение «детской субкультуры» как самоорганизующейся по принципу возрастной стратификации. Авторы иллюстрируют образную презентацию субкультурных полей дошкольного детства статистическими данными о доступности интернет-сети пользователям дошкольного возраста и ранжировании ими предпочтаемых, значимых персонажей мультипликационных фильмов, а также результатами исследований влияния медиаконтента, в частности мультипликационной

и кинематографической продукции, на психическое развитие и здоровье детей.

Ключевые слова: детская субкультура, стратификация, семиотика, визуальный образ, феноменология

**CHILDREN'S SUBCULTURE AS A SOCIO-CULTURAL CONTEXT
OF SOCIALIZATION OF THE 21ST-CENTURY
YOUNGER GENERATION: SEMIOTICS
AND PHENOMENOLOGY**

Taras A. Varkhotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Institute of Child Development, Health and Adaptation,
Moscow, Russian Federation
varkhotov@gmail.com

Elena I. Izotova

Institute of Child Development, Health and Adaptation,
Moscow, Russian Federation
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation
teoretic@mail.ru

Irina A. Burlakova

Institute of Child Development, Health and Adaptation,
Moscow, Russian Federation
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russian Federation
iaburlakova@mail.ru

The article presents an interdisciplinary approach to studying one of the most prominent social phenomena – children's subculture. The study explores its sociological, cultural, psychological and pedagogical aspects. The authors review the substantiation of culture stratification in various scientific schools, conceptualize the terms "subculture" and "counterculture", define the term "children's subculture", the first in ontogenesis, as self-organizing according to the principle of age stratification. The concept of "subculture" unites the semantic space of values and attitudes, ways of activity and forms of communication, which are realized at a certain historical stage of society development in children's communities and through them. As children are included in the society of peers, children's subculture performs the most important function of socialization and contributes to the formation of the personality. Being a part of general culture, the culture of childhood is also subject to transformations under the influence of changes in public life. The research highlights the factors of ongoing transformations and analyzes the consequences of such influences on the process

of the child's socialization and on personality development. Such phenomena as terrorism, ecological and man-made disasters, global digitalization, and gamification are among these psychogenic factors. The authors illustrate the figurative representation of the subcultural fields of preschool childhood through statistical data on the availability of the Internet network to preschool-age users and their ranking of preferred, significant characters in animated films. According to the authors (2023), children are active internet users even at preschool age: 59% of children aged 4–5 and 74% of children aged 6–8 use the internet independently. Media products draw children into a fantasy world populated by heavily propagated images of ideal beauty or strength. They select a universal character or group of characters as an object of identification, around which, under certain conditions, an active subcultural space is formed. The article visualizes the process of formation and categorization of ideas about good and evil in preschool childhood. The authors provide research results that show that the impact of media content, in particular animation and cinematographic products, on the mental development and health of children is not always positive. Cartoon and cinematic characters that are significant for modern children can demonstrate value milestones and social beliefs that differ significantly from the norms and standards declared by the humanistic paradigm. In the context of social acceleration, preschool children's interest in ambiguous media personalities, internet communities, pop culture figures, and bloggers poses risks to their personal development and may cause distorted worldview formation. However, due to the conservatism of the children's subculture, which has its own "censorship filters", the authors remain hopeful that the variety of characters that exist today is the basis for a wide repertoire of diverse modes of action and behaviors that a child can master in the game and successfully apply in real life.

Keywords: children's subculture, stratification, semiotics, visual image, phenomenology

DOI 10.23951/2312-7899-2025-3-9-32

Понятие о субкультуре в общественных науках

Понятие «субкультура» – сравнительно молодое и принадлежащее той части терминологии общественных наук, которая является одновременно сколь общеупотребительной, столь и «остро дискуссионной» (hotly contested) [Bell 2010, 153].

Терминологическое употребление лексемы «субкультура» сформировалось в средине XX века в рамках социологии и психологии девиантного поведения, искающей неиндивидуальные, но в то же время и не соответствующие общепринятым нормам квазиинституциональные причины и механизмы воспроизведения поведения,

действующие на уровне субгрупп. Неудивительно, что в фокусе первоначально оказались криминализованные, радикально отклоняющиеся от нормативных моделей поведенческие паттерны («преступные субкультуры» в классической работе [Cohen, 1955]), в наиболее чистой форме представленные преступными сообществами, а в более социально приемлемой, но и гораздо более массовой – молодежными и этническими субгруппами (на них сосредоточено внимание стремившегося к декриминализации субкультур Р. Мертона [Мертон 2006, 282–323]), в той или иной степени противостоящими нормативной культуре «большинства» [Пасечникова 2017], а также способность субкультуры «затягивать» это большинство «в конфликт» [Higgins et al. 2022, 87].

Вопреки сложившейся традиции, приписывающей концептуализацию субкультуры второму поколению Чикагской школы, а введение термина датирующей вышедшими в 1945–1947 годах работами А. Ли и М. Гордона [Аминова 2013], в действительности термин появился ещё в работах социологов первого поколения Чикагской школы 1920-х годах и, по-видимому, восходит к идеям Э. Дюргейма о «коллективных представлениях» как способе воспроизведения социальных групп, в том числе в их солидарном отношении к «внешним», то есть отличающимся от разделяемых ими специфических «коллективных представлений», воздействиям [Blackman 2014]. В частности, в своем учебнике по полевой социологии Вивьен Палмер отмечает необходимость создания «карт субкультурных групп» [Palmer, 1928]. Подчеркнем, что в 1928 году в этом учебнике было акцентировано: «Субкультурные группы, которые демонстрируют различия в преобладающей культуре страны, обнаружить гораздо сложнее. Однако исследования, похоже, раскрывают, что существуют определённые базовые различия в образе жизни людей, которые приводят к чётким различиям в их обычаях, отношениях и моделях поведения» (цит. по: [Blackman 2014, 498]).

В работах 1920-х годов складывается «широкое» представление о субкультуре как «культурных особенностях любой группы, выделяющейся внутри национальной культуры и обычно объединённой каким-либо социальным признаком...» [Аминова 2014, 113] или «суверенном целостном образовании внутри господствующей культуры, отличающемся собственными ценностным строем, обычаями, нормами» [Гуревич 2007, 601]. В таком приблизительно «нейтральном» значении развивалось понимание субкультур при первом знакомстве с ними, обеспеченному преимущественно этнографами и антропологами, в частности М.Мид, исследования ко-

торой, посвящённые «культуре детства» и «сексуальной культуре» аборигенов Самоа и Новой Гвинеи, обыкновенно рассматриваются как точка отсчёта в изучении «детской субкультуры» [Jenkins 1998, 20–21].

Однако по мере перемещения фокуса исследовательского внимания с далёких как в географическом, так и в социальном смысле обществ Австралии, Полинезии и Амазонии на социальную динамику большого «цивилизованного» мира и характерных для него плотных и бурно развивающихся городских ареалов, термин «субкультура» все отчётливее ассоциировался не просто с относительно обособленными фрагментами «основной» культуры, но и с социальным конфликтом, порождаемым асимметрией субкультурной и «основной» социальных идентичностей. Ключевой проблемой становится маргинализация «иных», их десоциализация даже в условиях номинальной принадлежности к «большой», «национальной культуре». Диагностично и удивительно современно в этом контексте звучат рассуждения Э. В. Стоунквиста: «Экспансия западной цивилизации по всему земному шару принесла с собой маргинальные ареалы конфликта и произвела людей, живущих в обеих культурах. Такой культурный конфликт особенно очевиден в городских центрах. <...> Современный большой город – это мозаика мелких культурных единиц, меняющих свои места обитания по мере роста города и постепенно теряющих в процессе ассимиляции свои идентичности. Эти центры – настоящие плавильные котлы культуры. Ядро черт, характеризующих маргинальную личность, проистекает из конфликта культур, а не из особого содержания той или иной культуры. У каждого общества есть своя отличительная культура, создающая свой тип личности: английский, итальянский, японский, гавайский. <...> Именно конфликт групп, обладающих разными культурами, оказывает определяющее влияние на создание маргинального человека, и типичные его черты являются социально-психологическими, а не культурными по своей природе» [Стоунквист 2015, 291–292].

Дальнейшее развитие исследования субкультур во второй половине XX века вплоть до настоящего времени несёт на себе отпечаток концептуализации субкультуры в качестве «сопротивляющейся», стремящейся к воспроизведению альтернативной основному социальной идентичности. В этом контексте с субкультурой коррелирует целый ряд понятий, подчёркивающих момент противостояния субкультурных образований доминирующей, «основной» культуре. Таковы, например, «контр-культура», – понятие,

представляющее собой «политическую» экспликацию акцентов на маргинальности и девиантном характере субкультурных форм [Мельвиль, Разлогов 1981], и «со-культура» (*co-culture*), призванная подчеркнуть факт существования и необходимость восстановления в правах («со-гласия») «безгласных групп», то есть сообществ, представление (дискурс) о которых формируется без их прямого участия доминантными социальными группами (например, женщины и дети, социально значимые описания которых исторически создавались взрослыми мужчинами) [Ardener 1975; Orbe 1996].

На сегодняшний день концепт субкультуры внутри академического сообщества сам остаётся немного субкультурным: несмотря на фактическую расхожесть термина, он не стал частью парадигмы общественных наук, свидетельством чему отсутствие статьи «субкультура» в таких респектабельных справочных изданиях, как Британника или Стэнфордская философская энциклопедия; он по-разному используется в социологии, психологии и криминологии (наиболее охотно прибегающих к нему дисциплинах), однако во всех трех случаях обычно маркирует «социокультурную периферию» и предсказуемо ассоциируется с девиантным, поскольку противопоставляется «основной» культуре, традиционно ассоциируемой с «прогрессом». Попытки пересмотра асимметрии в пользу субкультуры в этом контексте неизменно ассоциируются с политической «левизной» и гипертрофированными формами индивидуализма.

Всё перечисленное выше отчётливо просматривается в определении, которое даёт в своей учебнике по социологии один из самых влиятельных социологов современности Э. Гидденс: «Термином „субкультура“ обозначаются не только этнические или языковые группы в составе больших сообществ. Это понятие применимо к любой части населения, которая отличается от остальной массы своими культурными традициями. Под него подходит очень широкий спектр направлений человеческой деятельности: это могут быть и натуралисты, и ценители готического искусства, и компьютерные хакеры, и хиппи, и растаманы, и любители хип-хопа, и футбольные фанаты. <...> Субкультуры предоставляют людям свободу действия в соответствии со своими мнениями, убеждениями и надеждами» [Гидденс 2005, 36].

Вместе с тем при всей дискуссионности концепт субкультуры сохраняет внушительный эвристический потенциал, связанный с поиском медиативных практик и представлений, одновременно разотождествляющих субгруппы с культурным ядром и работа-

ющих на его воспроизведение¹. Поскольку культура представляет собой многообразие, а общество не бывает полностью монолитным, и поскольку культура стремится к экспансии, а общество – к гомогенизации социального пространства, субкультура оказывается «естественным» ответом на необходимость быть одновременно «как все» и «не как все», «спрятаться» в обособленном пространстве «других» практик и смыслов, субъективно противопоставляемых, хотя объективно, как правило, не противоречащих институциональному порядку культуры. Как изящно резюмирует Р. Мертон, «...мы приходим к выводу, что различным социальным структурам для эффективной деятельности требуются различные уровни видимости. Предполагается, соответственно, что для различных социальных структур – если они должны адекватно функционировать – требуются различные механизмы, позволяющие изолироваться от полной, неограниченной видимости; на обыденном языке это описывается как „потребность в чем-то приватном“ или как „значение потаённого“. <...> Ибо полное, беспрестанное и охотное исполнение строгих групповых стандартов было бы возможно только в социальном вакууме, которого никогда не существовало. Оно невозможно ни в одном обществе, известном людям. Социальная функция дозволенности, функция небольших проступков, оставшихся незамеченными, а если и замеченными, то не получившими огласку, заключается в том, чтобы дать социальным структурам возможность действовать без ненужного напряжения» [Мертон 206, 507–508].

Социокультурная стратификация и особенности возникновения субкультур интересовали представителей различных научных отраслей (психологии, философии, культурологии, социологии) и стали предметом большого числа межпредметных исследований (Е. П. Белинская, М. М. Бахтин, М. Вебер, Э. Гидденс, Э. Гуссерль, И. С. Кон, М. Мид, Е. Л. Омельченко, М. В. Осорина, Г. Хофтеде, Э. Эриксон и др.).

Наиболее актуальными в настоящее время являются исследования различных субкультур как пространства социализации, которое некоторые исследователи определяют как новый социальный институт [Изотова 2011].

Для успешной социализации важно, чтобы ребенок смог найти адекватное для себя место среди сверстников. Вхождение в детскую

---

¹ В частности, в работе [Беляев, Беляева, 2002] предложена любопытная попытка развития такого подхода. В этой цитируемой работе дана интерпретация итогов исследований Д.В. Пивоварова, который представил свое применение методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса в теории культуры.

субкультуру, в «мир детей для детей» – это не только процесс, который способствует обогащению личности ребенка. Это «полифоничное наложение процессов индивидуализации и социализации, их гармоничное сочетание» [Изотова 2011, 70], поскольку каждый член детского сообщества привносит в него приобретенные и собственные ценности и компетенции.

С конца XX века и до настоящего времени социальная ситуация развития подрастающего поколения активно трансформируется. Психогенные факторы (национально-религиозные конфликты, терроризм, экологические и техногенные катастрофы, глобальная цифровизация и геймификация) оказывают значительное влияние на психическое здоровье детей и возможные варианты их социализации. Собственно семиотические аспекты воздействия этих факторов эпизодично представлены в исследованиях субкультур [Allender 2022; Benvenga 2022; Blackburn 2024; Schiermer 2024; Dillon, Ali 2024], что свидетельствует об актуальности предпринятого нами исследования, из которого допустимо сделать вывод: изменения в ценностных ориентациях и моделях воспитания все больше ведут к формированию индивидуалистического характера. При этом реальное взаимодействие детей со сверстниками в игре, общении, продуктивных деятельностиах постепенно сменяется виртуальными формами общения и сетевыми компьютерными играми. Несомненно, это ведет к серьёзным трансформациям в социальной сфере, которые находят свое отражение в детской субкультуре.

Образная репрезентация субкультурных полей дошкольного детства

Субкультура обладает важным свойством самоорганизации и базируется на общности людей по этнической, культурной, идеологической, гендерной и сексуальной, возрастной принадлежности. В её основе – система ценностей, убеждений, моделей поведения и построения жизни определенной группы, которая отличает её от общей главенствующей (национальной) культуры, преобладающей в обществе [Изотова 2011].

Детская субкультура – первая, которая складывается в онтогенезе на возрастной основе, из-за «половозрастного расслоения общества» [Гусельцева, Изотова, 2019, 18]. При этом всё, что образует детскую субкультуру и реализуется в сообществе детей, – ценности и нормы, установки и кодекс чести, смыслы и способы деятельности, формы и правила общения – отражает в себе особенности раз-

вания общества в определенный исторический период. При этом посредством детской субкультуры реализуется важнейшая функция социализации каждого ребёнка, его приобщения к общей культуре общества, в котором он живет.

Детская субкультура есть не только яркое общественное явление, но и то, что определяет неотъемлемую часть необходимых условий развития ребёнка и служит его источником. Приобщаясь к субкультуре, ребёнок осваивает возрастные нормы поведения в группе сверстников и способы преодоления конфликтных ситуаций, исследует границы норм и их табуирования, получает опыт совладания с эмоциональными состояниями, познаёт мир, себя и окружающих людей, формирует картину мира.

Детская субкультура гибко реагирует на события окружающего мира и ассимилирует новую информацию, вводя её в традиционно детские культуральные структуры [Осорина 2017].

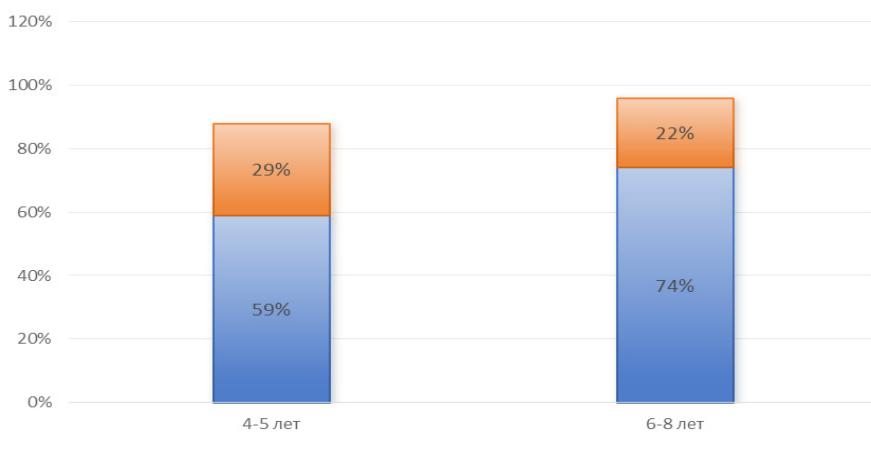
Возможность таких изменений исследователи связывают с существованием трех типов культур, которые были выделены М. Мид. В основе типологии – направленность процесса обучения. Так, постфигуративный тип определяется тем, что дети перенимают опыт у старших; кофигуративный – и ребёнок, и взрослый учатся ещё и у сверстников. Особый интерес представляет третий тип – префигуративный, отличающийся тем, что дети и родители учатся друг у друга [Мид 1988].

В связи с этим все происходящие в обществе изменения так или иначе отражаются на условиях и социальной ситуации детского развития, в частности на детской субкультуре, её содержании. Данные изменения сегодня квалифицируются исследователями в большей степени как негативные не только для развития ребёнка, но и для сохранения детской субкультурой своих содержания, структуры и функций.

В качестве одной из причин происходящих трансформаций следует назвать тот факт, что сегодня взрослые во многом определяют время и содержание свободной деятельности дошкольников. Во-первых, у современных детей мало времени для свободной игры, общения и детских деятельности. Многие авторы отмечают, что современные дети чрезвычайно загружены дополнительными занятиями вне детского сада из-за стремления родителей дать своему ребёнку как можно лучшее и широкое образование [Бурлакова и др. 2021]. Во-вторых, многие родители считают игру и детские продуктивные деятельности развлечением и стремятся заменить их «серёзными» и развивающими занятиями: обучением чтению

и счёту, работе в различного рода тетрадях с познавательными задачами и упражнениями. В-третьих, детские пространства во внутридомовых дворах, на детских площадках и в развлекательных или торговых центрах нередко «задают правила игры и определяют действия детей: игровые площадки, ориентированные на чистый спорт, – турник, велосипед, сетки, физические „развивалки“, тематические – пиратские корабли, теремки и др.» [Клопотова 2017]. Кроме того, взрослые часто ограничивают время нахождения детей на таких дворовых площадках, и их самостоятельность: родители, как правило, регулируют взаимодействие и общение ребёнка с другими детьми, решая за них возникающие проблемы, предлагая определённые активности и диктуя свои правила поведения. Эти обстоятельства не позволяют детям объединяться в разновозрастные сообщества, которые необходимы для освоения способов установления контактов с другими, норм и правил взаимодействия и общения со сверстниками и т.п. Фактически дошкольников лишают возможности обмениваться субкультурным опытом [Клопотова 2017; Котляр (Корепанова), Соколова 2013].

Наиболее значимым фактором, оказывающим влияние на трансформацию детской субкультуры, являются результаты технического развития / прогресса современного общества. Это выражается в первую очередь в доступности ребёнку разнообразных гаджетов (планшетов, телефонов и др.) для подключения в интернет-пространство (ил. 1).

Ил. 1. Сравнение доступности интернет-сети пользователям дошкольного и младшего школьного возраста.

Источник: данные представлены Mediascope Kids&Teens, осень 2023 г.

Существует широкий ряд исследований, показывающих высокий процент детей раннего и дошкольного возраста, которые уже имеют опыт взаимодействия с цифровыми девайсами при активной поддержке родителей [Рубцова и др. 2021; Смирнова и др. 2022]. В связи с этим интересны результаты одного из исследований по данной проблеме, которые доказывают, что «взрослые» гаджеты используются современными детьми дошкольного возраста намного чаще, чем цифровые устройства, адресованные детям (литература с дополненной реальностью, интернет-игры и игрушки и т.п.). «Предоставляя дошкольникам доступ к гаджетам, современные российские родители ожидают от них развивающего и образовательного эффекта. При этом, организуя взаимодействие ребёнка с цифровым контентом, подавляющее большинство родителей руководствуется не советами специалистов, а желанием ребёнка или собственным любопытством» [Смирнова и др. 2022, 178]. Несомненно, это обстоятельство способствует расширению возможностей ребёнка получать разнообразные впечатления посредством компьютерных игр, просмотра мультфильмов и пр. Но одновременно ведёт и к сокращению времени, которого и так немного остаётся, для общения, игры, детских деятельности, обеспечивающих развитие детей.

Немаловажным фактором трансформации детской субкультуры выступает другая сторона технического прогресса – перенасыщенность содержания, получаемого детьми из различных медиа [Клопотова, 2017]. Так, в огромном потоке разнообразной информации нередко присутствует содержание, которое не соответствует их возрастным потребностям и возможностям понимания, что может негативно сказаться на их развитии, эмоциональном состоянии. Это не только медиапродукты, не адресованные детям (сериалы, боевики, развлекательные передачи, реклама и др.), к которым у большой части детей есть доступ к просмотру. Однако к ним можно отнести и произведения, специально созданные для детей, которые не соответствуют требованиям возрастосообразности и психологической безопасности [Клопотова 2017; Рубцова и др. 2021].

Самым важным представляется влияние медиасреды и гаджетов на ценностную сферу дошкольников и, соответственно, их социализацию. Именно мульфильмы, видео- и телепередачи ряд авторов [Абраменкова 2000; Гогоберидзе 2003; Валявко Аверьянова 2010; Клопотова 2017] называют «первыми информационными продуктами», в которых отражаются «социокультурные потребности» и ценностные ориентиры общества.

Известны некоторые особенности развития личности в старшем дошкольном возрасте, а именно расширение и дифференциация представлений о себе, обогащение Я-концепции, наличие самооценки (пусть и завышенной), стремление соответствовать Я-идеальному. Как показывают исследования, дети начинают себя идентифицировать с более сложными по своим социальным и гендерным функциям персонажами из художественных произведений различных жанров. Но ещё по-прежнему важно, чтобы образы были привлекательными и красивыми – для девочек, а для мальчиков – сильными и храбрыми.

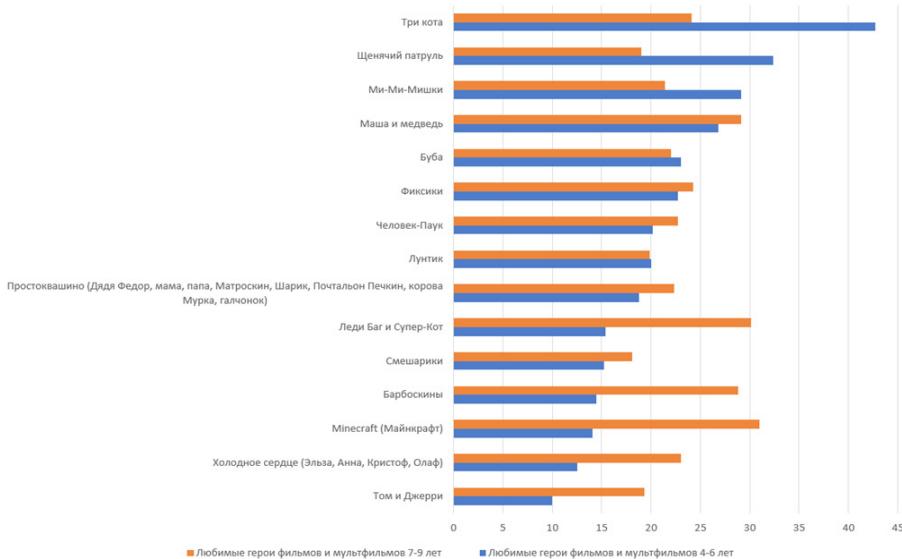
«Всем этим требованиям отвечают персонажи мировых комикс и мультбестселлеров – 12 диснеевских принцесс (автор образов Энди Муни, США) и 6 волшебниц клуба Винкс (club Winx, автор образов И. Страффи, Италия), а также два супергероя – человек-паук (Spiderman, автор образа Стэн Ли, США) и человек-летучая мышь (Batman, автор образа Боб Кейн, США)» [Изотова 2022, 177].

Образы идеальной красоты или силы довольно активно внедряются в детское сознание через медиапродукты, погружая ребёнка в мир фантазий и волшебства. «Само по себе психологическое погружение в сказку, волшебные трансформации персонажей, преодоление препятствий и достижение цели, получение награды за смелость, доброту, изобретательность и другие качества для ребёнка дошкольного возраста абсолютно адекватно и своевременно, так как речь идёт о персонификации положительного образа и идентификации с ним» [Гусельцева, Изотова 2019, 211].

Персонажи, с которыми идентифицируют себя дети, у каждого поколения разные. Именно вокруг этих образов и формируется «активное субкультурное пространство» [Гусельцева, Изотова 2019] (ил. 2).

Любимыми для детей дошкольного возраста являются образы трех котов, Ми-Ми-Мишек, Бубы, друзей из Простоквашино, Смешариков. К школьному возрасту к ним присоединяются Майнкрафт, Человек-паук, леди Баг и Суперкот. Именно эти персонажи активно присутствуют в свободной игре детей, определяют запрос родителям на приобретение игрушек и атрибутов с их изображением.

В ситуации социальной акселерации, интереса дошкольника к неоднозначным медийным личностям и интернет-сообществам, представителям поп-культуры и блогерам возникают риски его личностного развития, формирования искажённой картины мира. Значимые для современных детей мультипликационные и кинематографические персонажи могут демонстрировать ценностные ориентиры и социальные представления, существенно отлича-

Ил. 2. Ранжирование предпочтаемых, значимых персонажей мультипликационных фильмов для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Источник: Данные представлены IPSOS, Новое Поколение, 2-е полугодие 2023 г. ющиеся от норм и установок, декларируемых гуманистической парадигмой. В этом случае исход дихотомии добра и зла, света и тьмы, правды и лжи в картине мира ребёнка объективно определяется ведущим объектом идентификации (ил. 3).

Ил. 3. Формирование и категоризация представлений о добре и зле в дошкольном детстве

Категоризация образов в мультипликационных и кинематографических произведениях с возрастной индексацией «0+» является необходимым условием их демонстрации детям раннего и млад-

шего дошкольного возраста по причине формирования системы нравственных координат личности. Представитель добра – главный герой, характеризующийся совокупностью положительных личностных качеств. Представитель зла – злодей с противоположным личностным профилем. По мере взросления ребёнка абсолютность категорий добра и зла размывается, возникают допуски относительности, ребёнку становятся понятны феномены «ложь во спасение» и др. Положительный герой может позволять себе слабости, быть неидеальным, а злодей – привлекать своим внешним обликом, лидерскими качествами безотносительно нравственной оценки направленности его действий. Значимый персонаж перестаёт быть «плоским», обретает сложность и дифференцированность, оценка его действий со стороны ребёнка перестаёт быть однозначной, обретает ситуативность, появляется амбивалентное отношение к нему в зависимости от поступков персонажа и их обоснования (ил. 4).

Ил.4. Личностные качества положительных и отрицательных персонажей популярных мультфильмов по результатам опроса родителей детей от двух до восьми лет ($N = 1200$).

Источник: Данные представлены Платформа (центр социального проектирования), Национальная медиа группа, март–май 2023 г.

Ответ на вопрос: «На кого ты хочешь быть похожим?» – в дошкольном возрасте определяет актуальный ценностный багаж ребёнка.

Исследований влияния современных социокультурных условий на ценностные ориентации дошкольников не так много [Абраменкова 2000; Гогоберидзе 2003; Валявко, Аверьянова 2010; Клопотова 2017], но они приоткрывают особенности ценностных представлений дошкольников и убедительно доказывают наличие определённых изменений в этой области детского развития.

В исследовании восприятия детьми образов героев мультипликационных фильмов [Матвеева и др. 2019] было показано, что дети довольно тонко различают качества персонажей, хотя их оценки и носят неоднозначный характер. «Главные герои мультфильмов выступают для дошкольников носителями ценностей, поскольку ведущее место в оценке поведения персонажей и их характеров занимают такие важные ценностные категории, как „ум“, „сила“, „доброта“, „красота“, „опасность“, „справедливость“» [Матвеева и др. 2019, 112]. Но наряду с «положительными» детей нередко привлекают и отрицательные герои своими возможностями, силой, хитростью и умом и т.п., или социально неприемлемые способы поведения героев преподносятся как позволительные, допустимые (например, поведение принцессы в мультфильме «Шрек» или образ семьи в мультипликационном сериале «Барбоскины») [Корешкова 2014 и др.].

Особенности ценностных ориентаций могут отражаться и в детских желаниях и потребностях. Изменения в жизни общества, произошедшие за последние почти полвека, не могли не сказать и на этой стороне детского развития. В репликационном исследовании Е. Е. Клопотовой было показано, что социокультурные условия хотя и «не приводят кискажению стремления детей к общению и взаимодействию, однако увеличивают ориентировку детей на свои потребности и нужды» [Клопотова 2017, 96]. Полученные в этом исследовании результаты продемонстрировали, что для подавляющей части дошкольников важно обладать чем-либо. Предметом желания были «планшет, сенсорный телефон, компьютерные игры» [Клопотова 2017, 100], а также велосипеды, скутеры, красивая одежда и т.п., реже игрушки (редко конкретные, но главное – «много» и «новые»). При этом для половины участвовавших в исследовании старших дошкольников высоко значимой является семья: детские желания были связаны «с семейным времяпрепровождением (примерно половина пожеланий) – дети хотели поехать всей семьёй в деревню, на море, пойти в кино, на аттракционы и др.» [Клопотова 2017, 101].

Несложно «увидеть» сходство выявленных детских желаний и тех ценностей, к которым приобщают ребёнка медиа и компьютерные продукты, – семья, общение и дружба, материальные ценности, удовлетворение своих желаний.

Особую роль медиасреда и гаджеты играют в построении детьми взаимодействия с окружающим миром, миром природы и людей. Однако их влияние на развитие ребёнка неоднозначно.

Это определяется тем, насколько медиапродукт соответствует возрастным особенностям детей дошкольного возраста. В случае его соответствия ребёнок в процессе взаимодействия с медиа- или компьютерной продукцией «включается» в сюжеты, сопереживает героям, следя за событиями в мультипликационных историях или участвуя в компьютерных играх. Он идентифицирует себя с персонажами и переносит способы поведения в реальную жизнь. «Происходит проекция своего реального Я в смысловое пространство фильма и обратный перенос событий на экране в реальность своего Я» [Смирнова и др. 2014, 34]. Дети часто воспроизводят сюжеты в своих играх, имитируют поступки и действия персонажей, «отрабатывают» способы поведения в различных ситуациях взаимодействия – так воплощают сначала в игровом поведении, а затем и в реальном присваиваемые ценности. Это подтверждают работы отечественных и зарубежных авторов, в том числе К. Хабиб и Т. Солиман [Habib, Soliman 2015], показавших влияние мультипликационных фильмов на манеру детей одеваться, проявления жестокости и агрессивности в поведении, особенности речи [Матвеева и др. 2019].

Дошкольникам, к сожалению, доступен широкий ряд медиапродукции, не соответствующей их возрастным особенностям. Идёт демонстрация явлений, оторванных от детской жизни, сложных для восприятия и понимания ребёнка. Вышеперечисленные сложности обусловлены такими характеристиками мультипликационных фильмов, как «высокая скорость предъявления видеоряда, отсутствие сюжетных пауз для осмыслиения происходящего, избыточная многосерийность для возможности запоминания сюжетов, расхождение возрастной адресации образа героя, содержания его речи и контекста его деятельности и др.» [Соколова 2011, 72].

В этом случае «идентификация с персонажем в большей степени происходит на основании внешних формальных признаков и не затрагивает Я ребёнка. Дети в большинстве случаев не вкладывают свой личный смысл в события на экране и воспринимают их отстранённо и отчуждённо» [Смирнова и др. 2014, 34]. Этим фактом может объясняться включение других механизмов личностного развития. Так, Д. В. Ольшанский отмечал, что влияние мультфильма на дошкольника объясняется действием таких психологических механизмов, как заражение, внушение и подражание. Тогда дети в игре лишь воспроизводят сюжет мультфильма и действия героев, копируют их неординарные способности и т.п. Это, возможно, происходит благодаря тому, что для дошкольников при восприятии мультипликационных персонажей определяющими являются

ся их перцептивные и эстетические характеристики, комфортный визуальный ряд [Матвеева и др. 2019], а нравственные и этические качества персонажей становятся актуальными лишь при оценке их действий.

В таких мультфильмах, как правило, нет сложных сюжетов, а присутствуют примитивные взаимоотношения между героями, эмоциональные реакции героев обеднены. «Просмотр большинства современных фильмов для детей, несмотря на привлекательность их персонажей, не даёт содержания для детской игры и остаётся просмотром ради просмотра, некоторой „вещью в себе“». Увиденное и услышанное не становится материалом для переживания, осмысливания и, в конце концов, для присвоения культурного опыта (интериоризации)... Это скорее созерцательные или развлекательные сюжеты, нежели сюжеты для реализации в играх» [Соколова 2011, 73].

Несомненно, такая специфика современной медиа- и компьютерной продукции, с одной стороны, затрудняет социализацию дошкольников – слишком велико число различных способов действия и форм поведения разнообразных персонажей, чтобы у ребёнка была возможность отнести к ним осознанно и оценить их социальную приемлемость и эффективность для реального взаимодействия. При этом стоит учесть, что взрослые, сопровождающие развитие ребёнка, недостаточно знакомы со всеми актуальными для дошкольников мультипликационными персонажами и сюжетами, что не позволяет им помочь детям структурировать полученную информацию и сформировать опыт анализа и отношения к ним.

С другой стороны, именно это разнообразие персонажей и их «жизненных» историй может выступить основанием для широкого репертуара разнообразных способов действия и форм поведения, которые ребёнок может освоить в игре и успешно применять в реальной жизни. Это становится возможным благодаря консерватизму детской субкультуры, которая обладает своеобразными «цензурными фильтрами», не позволяющими расшатывать её устои [Стрелкова 2013], независимо от цифровой и медиаинтервенции, провоцирующей глобальное изменение системы социальных связей, установок, ценностей каждого конкретного ребёнка и детского сообщества в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абраменкова 2000 – Абраменкова В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребёнка в детской субкультуре. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2000. 416 с.

- Аминова 2013 – Аминова А. В. К вопросу о термине «субкультура» // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 113–118.
- Беляев, Беляева 2002 – Беляев И. А., Беляева Н. А. Культура, субкультура, контркультура // Духовность и государственность: сб. науч. ст. Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002. Вып. 3. С. 5–8.
- Бурлакова и др. 2021 – Бурлакова И. А., Клопотова Е. Е., Ягловская Е. К. Парадоксы современной детской субкультуры // Дошкольное воспитание. 2021. № 2. С. 2–7.
- Валявко, Аверьянова 2010 – Валявко С. М., Аверьянова Е. В. Современное состояние проблемы изучения ценностей и ценностных ориентаций у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями речевого развития // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: междунар. практик-конф., посвящ. Году Учителя. Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2010. С. 239–249.
- Гидденс 2005 – Гидденс Э. Социология. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Гогоберидзе 2003 – Гогоберидзе А. Г. Ценностные ориентации дошкольников в условиях современной социокультурной среды // Молодое поколение ХХI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья: материалы II Междунар. конгресса / под ред. А. А. Северного, Ю. С. Шевченко. Минск: Ритм, 2003. С. 100–101.
- Гуревич 2007 – Гуревич П. С. Субкультура // Культурология. ХХ век: энциклопедия: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 2. С. 601–602.
- Гусельцева, Изотова 2019 – Гусельцева М. С., Изотова Е. И. Позитивная социализация детей и подростков: методология и эмпирика. М.: Смысл, 2019.
- Изотова 2011 – Изотова Е. И. Социализация и индивидуализация детей и подростков в субкультурном пространстве // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные решения. 2011. № 4 (13). С. 61–75.
- Изотова 2022 – Изотова Е. И. Психология дошкольного возраста: учебник и практикум для вузов: в 2 ч. М.: Юрайт, 2022. Ч. 1. (Высшее образование). URL: <https://urait.ru/bcode/498845>
- Клопотова 2017 – Клопотова Е. Е. Особенности ценностных ориентаций современных дошкольников // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 9, № 1. С. 96–105.

- Корешкова и др. 2014 – Корешкова М. Н., Королева М. В., Кузовлева О. А. Влияние современных мультфильмов на культуру поведения дошкольников // Молодой учёный. 2014. № 21.1 (80.1). С. 179–182.
- Котляр (Корепанова), Соколова 2013 – Котляр (Корепанова) И. А., Соколова М. В. Детская площадка как предмет психологического исследования // У истоков развития: сб. науч. ст. М.: Изд-во МГППУ, 2013.
- Матвеева и др. 2019 – Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В., Макалатия А. Г. Восприятие детьми дошкольного и младшего школьного возраста образов героев отечественных и зарубежных мультфильмов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2019. № 2. С. 105–123.
- Мельвиль, Разлогов 1981 – Мельвиль А. Ю., Разлогов К. Э. Контркультура и «новый» консерватизм. М.: Искусство, 1981.
- Мертон 2006 – Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.
- Мид 1988 – Мид М. Культура и мир детства. М.: Мысль, 1988.
- Осорина 2017 – Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2017. 304 с.
- Пасечникова 2017 – Пасечникова С. П. Понятие субкультуры и основные подходы к её изучению // Аллея науки. 2017. Т. 3, № 10. С. 151–164.
- Рубцова и др. 2021 – Рубцова О. В., Клопотова Е. Е., Смирнова С. Ю., Сорокова М. Г. К проблеме цифровизации дошкольного детства: результаты эмпирического исследования // Цифровая гуманистическая и технология в образовании (ДНТЕ 2021): сб. статей II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 11–12 ноября 2021 г. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. С. 26–35.
- Смирнова и др. 2014 – Смирнова Е. О., Соколова М. В., Матушкина Н. Ю., Смирнова С. Ю. Исследование возрастной адресации мультфильмов // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 4. С. 27–36.
- Смирнова и др. 2022 – Смирнова С. Ю., Клопотова Е. Е., Рубцова О. В., Сорокова М. Г. Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 2. С. 177–193.
- Соколова 2011 – Соколова М. В. Персонажи современных мультфильмов в играх и игрушках детей // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16, № 2. С. 68–74.

- Стоунквист 2015 – Стоунквист Э. В. Маргинальный человек // Чикагская социология: сб. переводов / сост. и пер. В. Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 265–299.
- Стрелкова 2013 – Стрелкова О. В. Детская субкультура как компонент социального развития старших дошкольников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 5. С. 91–99.
- Allender 2022 – Allender T. Spatiality, Semiotics and the Cultural Shaping of Children: The Boarding School Experience in Colonial India, 1790–1955 // Global Perspectives on Boarding Schools in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 191–211.
- Ardener 1975 – Ardener S. Perceiving Women. London: Malaby Press, 1975.
- Bell 2010 – Bell A. The Subculture Concept: A Genealogy // International Handbook of Criminology / S. G. Shoham, P. Knepper, M. Kett (eds.). Boca Raton, FL: CRC Press, 2010.
- Benvenga 2022 – Benvenga L. Hip-hop, identity, and conflict: Practices and transformations of a metropolitan culture // Frontiers in Sociology. 2022. V. 7. Art. 993574.
- Blackburn 2024 – Blackburn A. L. Dragging Music: Towards a Queer Socio-Cultural Semiotics // Journal of the Royal Musical Association. 2024. V. 149 (1). P. 1–21.
- Blackman 2014 – Blackman S. J. Subculture theory: an historical and contemporary assessment of the concept for understanding deviance // Deviant Behavior. 2014. V. 35 (6). P. 496–512.
- Cohen 1955 – Cohen A. K. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. Glencoe: The Free Press, 1955.
- Dillon, Ali 2024 – Dillon A. M., Ali T. Collage-based narratives of mothers of third culture kids: the in-between space of transnational families in the UAE // Frontiers in Sociology. 2024. V. 9. Art. 1497479.
- Habib, Soliman 2015 – Habib K., Soliman T. Cartoons' Effect in Changing Children Mental Response and Behavior // Open Journal of Social Sciences. 2015. № 3. P. 248–264.
- Higgins et al. 2022 – Higgins E. M., Swartz K., Roberts A. How conflict ‘bleeds over’ for correctional staff: Exploring work-family conflict through correctional subculture // Journal of Crime and Justice. 2022. V. 45 (1). P. 87–102.
- Jenkins 1998 – Jenkins H. (ed.) The Children’s Culture Reader. New-York and London: New York University Press, 1998.
- Orbe 1996 – Orbe M. Laying the foundation for co-cultural communication theory: An inductive approach to studying “non-

- dominant" communication strategies and the factors that influence them // *Communication Studies*. 1996. V. 47 (3). P. 157–176.
- Palmer 1928 – Palmer V. *Field Studies in Sociology: A Student's Manual*. Chicago: University of Chicago Press, 1928.
- Schiermer 2024 – Schiermer B. Collective and material embeddedness: a critique of subcultural studies and a new perspective // *Journal of Youth Studies*. 2024. V. 27 (8). P. 1112–1133.

REFERENCES

- Abramenkova, V. V. (2000). *Sotsial'naya psikhologiya detstva: razvitiye otnosheniy rebyonka v detskoj subkul'ture* [Social psychology of childhood: Development of child relationships in children's subculture]. Moscow Psychological and Social Institute.
- Allender, T. (2022). Spatiality, semiotics and the cultural shaping of children: The boarding school experience in colonial India, 1790–1955. In *Global perspectives on boarding schools in the nineteenth and twentieth centuries* (pp. 191–211). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-99041-1_9
- Aminova, A. V. (2013). K voprosu o termine "subkul'tura" [On the term "subculture"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2, 113–118.
- Ardener, S. (1975). *Perceiving women*. Malaby Press.
- Bell, A. (2010). The subculture concept: A genealogy. In S. G. Shoham, P. Knepper, & M. Kett (Eds.), *International handbook of criminology* (pp. 309–326). CRC Press.
- Belyaev, I. A., & Belyaeva, N. A. (2002). Kul'tura, subkul'tura, kontrkul'tura [Culture, subculture, counterculture]. In *Dukhovnost' i gosudarstvennost': Sbornik nauchnykh statey* [Spirituality and Statehood: Collection of Scientific Articles] (Vol. 3, pp. 5–8). Branch of the Ural Academy of Public Administration in Orenburg.
- Benvenega, L. (2022). Hip-hop, identity, and conflict: Practices and transformations of a metropolitan culture. *Frontiers in Sociology*, 7, Article 993574. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.993574>
- Blackburn, A. L. (2024). Dragging music: Towards a queer socio-cultural semiotics. *Journal of the Royal Musical Association*, 149(1), 1–21. <https://doi.org/10.1017/rma.2023.18>
- Blackman, S. J. (2014). Subculture theory: An historical and contemporary assessment of the concept for understanding deviance. *Deviant Behavior*, 35(6), 496–512. <https://doi.org/10.1080/01639625.2014.885982>

- Burlakova, I. A., Klopotova, E. E., & Yaglovskaya, E. K. (2021). Paradoksy sovremennoy detskoj subkul'tury [Paradoxes of modern children's subculture]. *Doshkol'noe vospitanie*, 2, 2–7.
- Cohen, A. K. (1955). *Delinquent boys: The culture of the gang*. Free Press.
- Dillon, A. M., & Ali, T. (2024). Collage-based narratives of mothers of third culture kids: The in-between space of transnational families in the UAE. *Frontiers in Sociology*, 9, Article 1497479. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2024.1497479>
- Giddens, A. (2005). *Sociology* (2nd ed.). Editorial URSS. (In Russian).
- Gogoberidze, A. G. (2003). Tsennostnye orientatsii doshkol'nikov v usloviyakh sovremennoy sotsiokul'turnoy sredy [Value orientations of preschoolers in modern sociocultural environment]. In A. A. Severnyy & Yu. S. Shevchenko (Eds.), *Molodoe pokolenie XXI veka: aktual'nye problemy sotsial'no-psikhologicheskogo zdorov'ya* [Young generation of the 21st century: current problems of social and psychological health] (pp. 100–101). Ritm.
- Gurevich, P. S. (2007). Subkul'tura [Subculture]. In *Kul'turologiya. XX vek: Entsiklopediya* [Culturology. 20th century: Encyclopedia] (Vol. 2, pp. 601–602). ROSSPEN.
- Guseltseva, M. S., & Izotova, E. I. (2019). *Pozitivnaya sotsializatsiya detey i podrostkov: metodologiya i empirika* [Positive socialization of children and adolescents: Methodology and empirical research]. Smysl.
- Habib, K., & Soliman, T. (2015). Cartoons' effect in changing children mental response and behavior. *Open Journal of Social Sciences*, 3, 248–264. <https://doi.org/10.4236/jss.2015.37035>
- Higgins, E. M., Swartz, K., & Roberts, A. (2022). How conflict 'bleeds over' for correctional staff: Exploring work-family conflict through correctional subculture. *Journal of Crime and Justice*, 45(1), 87–102. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2021.2018956>
- Izotova, E. I. (2011). Sotsializatsiya i individualizatsiya detey i podrostkov v subkul'turnom prostranstve [Socialization and individualization of children and adolescents in subcultural space]. *Sovremennaya sotsial'naya psichologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye resheniya*, 4(13), 61–75.
- Izotova, E. I. (2022). *Psichologiya doshkol'nogo vozrasta: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Psychology of preschool age: Textbook and workshop for universities] (Part 1). Yurait. <https://urait.ru/bcode/498845>
- Jenkins, H. (Ed.). (1998). *The children's culture reader*. New York University Press.
- Klopotova, E. E. (2017). Osobennosti tsennostnykh orientatsiy sovremennoy doshkol'nikov [Features of value orientations in

- modern preschoolers]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 9(1), 96–105. <https://doi.org/10.17759/pse.2017120108>
- Koreshkova, M. N., Koroleva, M. V., & Kuzovleva, O. A. (2014). Vliyanie sovremennoykh mul'tfilmov na kul'turu povedeniya doshkol'nikov [The influence of modern cartoons on preschoolers' behavior culture]. *Molodoy uchenyy*, 21.1(80.1), 179–182.
- Matveeva, L. V., Anikeeva, T. Ya., Mochalova, Yu. V., & Makalatia, A. G. (2019). Vospriyatiye det'mi doshkol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta obrazov geroev otechestvennykh i zarubezhnykh mul'tfilmov [Perception of characters from domestic and foreign cartoons by preschool and primary school children]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psichologiya*, 2, 105–123.
- Mead, M. (1988). *Culture and the world of childhood*. Mysl'. (In Russian).
- Melville, A. Yu., & Razlogov, K. E. (1981). *Kontrkul'tura i "novyy" konservatizm* [Counterculture and the "new" conservatism]. Iskusstvo.
- Merton, R. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. AST.
- Orbe, M. (1996). Laying the foundation for co-cultural communication theory: An inductive approach to studying "non-dominant" communication strategies and the factors that influence them. *Communication Studies*, 47(3), 157–176. <https://doi.org/10.1080/10510979609368473>
- Osorina, M. V. (2017). *Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh* [The secret world of children in the space of the adult world]. Piter.
- Palmer, V. (1928). *Field studies in sociology: A student's manual*. University of Chicago Press.
- Schiermer, B. (2024). Collective and material embeddedness: A critique of subcultural studies and a new perspective. *Journal of Youth Studies*, 27(8), 1112–1133. <https://doi.org/10.1080/13676261.2024.2317832>
- Smirnova, E. O., Sokolova, M. V., Matushkina, N. Yu., & Smirnova, S. Yu. (2014). Issledovanie vozrastnoy adresatsii mul'tfilmov [Study of age targeting in cartoons]. *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya*, 10(4), 27–36. <https://doi.org/10.17759/chp.2014100403>
- Smirnova, S. Yu., Klopotova, E. E., Rubtsova, O. V., & Sorokova, M. G. (2022). Osobennosti ispol'zovaniya tsifrovyykh ustroystv det'mi doshkol'nogo vozrasta: novyy sotsiokul'turnyy kontekst [Features of digital device use by preschoolers: New sociocultural context]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo*, 13(2), 177–193. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130211>
- Sokolova, M. V. (2011). Personazhi sovremennoykh mul'tfilmov v igrakh i igrushkakh detey [Characters of modern cartoons in children's play and toys]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie*, 16(2), 68–74.

- Strelkova, O. V. (2013). Detskaya subkul'tura kak komponent sotsial'nogo razvitiya starshikh doshkol'nikov [Children's subculture as a component of social development in older preschoolers]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 5, 91–99.
- Valyavko, S. M., & Averyanova, E. V. (2010). Sovremennoe sostoyanie problemy izucheniya tsennostey i tsennostnykh orientatsiy u detey starshego doshkol'nogo vozrasta s narusheniyami rechevogo razvitiya [Current state of studying values and value orientations in older preschoolers with speech disorders]. In *Pedagogika i psikhologiya kak resurs razvitiya sovremenennogo obshchestva* [Pedagogy and psychology as a resource for the development of modern society] (pp. 239–249). Ryazan State University.

Материал поступил в редакцию 17.11.2024

Материал поступил в редакцию после рецензирования 02.02.2025